

Сословная структура постсоветской России (Часть I)*

С.Г. КОРДОНСКИЙ

В статье предпринята попытка применить для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о социальной стратификации и показать, что сословия, а не классы, в России были, есть и в обозримом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры. В имперской России были одни сословия, в СССР — другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи. Собственно, переходы от одних «россий» к другим и есть смена принципов сословного устройства. Времена, когда одни сословия замещаются другими, называются смутами, перестройками или революциями. В эти периоды на исторически короткое время в стране возникает классовое расслоение на богатых и бедных, плохо совместимое с сословным устройством ввиду «несправедливости» последнего. В последующем — в ходе формирования пореволюционных сословий — классовое расслоение элиминируется. В России, в отличие от других социальных устройств, сословная и классовая структуры сосуществуют не в синхронии, а в диахронии, последовательно сменяя друг друга.

Социологическая классификация и ее проблемы

Существует традиция исследования социальной структуры, в рамках которой любое общественное устройство может быть описано в терминах какой-либо подходящей классифицирующей теории (см. [Радаев, Шкартан 1996]). Часть этих теорий используется для вполне практических целей, таких, например, как предсказание потребительского или электорального поведения социальных групп, выделенных с помощью их аппарата. Другая часть в значительной степени спекулятивна, и их логика иногда напоминает известные классификации Борхеса [Там же]. Сущности, созданные в рамках таких теорий, иногда становятся политическими фактами и используются, в частности, для обоснования претензий на власть или для передела собственности. Таковыми, с моей точки зрения, в XIX и XX вв. были понятия Марксовой стратификации, которые коммунисты силой навязали отечественной реальности. «Классовые» признаки социальной классификации, придуманные К. Марксом и его толкователями, вопреки их внутренней противоречивости, на десятилетия стали основой социальной жизни огромного государства. Наверное, именно несуразность социалистических классификационных концепций, их на-

* В этом номере журнала «Мир России» мы публикуем первую часть статьи С.Г. Кордонского.

думанность и чуждость реальности (проявляющиеся, прежде всего, в том, что социалистические преобразования всегда насильственны) стимулируют уже четвертое поколение социальных ученых к «творческому развитию марксизма».

Социологические классификационные теории, если рассматривать их только как внутринаучные процедуры, можно считать частным случаем общей задачи классификации, возникающей всякий раз, когда нужно ответить на вопрос, что же предметно существует в какой-либо области научного знания. Ведь без операционального и общепринятого описания специфических для данной науки объектов не может быть и соответствующей науки. В биологии, например, для решения этой задачи уже почти три столетия применяется алгоритм К. Линнея, позволивший упорядочить многообразие форм жизни с помощью разного рода определителей — ключей, построенных на последовательном выделении признаков сходств и различий между особями. Современная аналитическая биология невозможна без точного определения того, на каком виде животных, растений, микроорганизмов ведутся эксперименты. Более того, существенная часть социальной практики подспудно основана на том, что все живое проклассифицировано, поименовано и может быть однозначно определено. Названия видов, родов, семейств вместе с их отличительными признаками вошли в повседневность и во многом ее структурируют. Мы, благодаря классификационной практике предыдущих поколений систематиков, видим, например, не «летающих, пушистых и пищащих», а птиц. И не просто птиц, а ворон, галок и воробьев.

Многообразие людей не уступает многообразию биологических феноменов. Однако классификация людей (и социальных реальностей в широком смысле) пока находится на уровне долиннеевской биологии. В современных социальных науках отсутствует алгоритм, позволяющий иерархически упорядочить непосредственно наблюдаемые различия и сходства между людьми по признакам, существенным для этих наук. Более того, нынешними методологами социологии проблема научного упорядочения того, что существует в их предметной области, и не ставится — вопреки заветам основателей этой науки. Еще П. Сорокин, цитируя Э. Дюркгейма, указывал на необходимость разработки социологической систематики: «Подобно тому, как для ботаники и зоологии рациональная систематика растений и животных составляет необходимый раздел этих дисциплин, от наличия которого зависит решение ряда крупных проблем биологии, так и для социологии систематика сложных социальных агрегатов... составляет необходимый и неотложный вопрос дня, требующий решения... Понятие о виде примиряет научное требование единства с разнообразием, данным в фактах, потому что свойства всегда сохраняются у всех составляющих его индивидов, а с другой стороны, виды отличаются один от другого... Признание социальных видов, таким образом, не позволяет социологу смотреть на одного паскалевского человека и формулировать законы его развития, приложимые ко всем временам и народам, с другой стороны, — избавляет нас от чисто описательной работы историков, давая возможность исследовать явления, свойственные ряду социальных групп, относящихся к одному и тому же виду» [Сорокин 1993, с. 395–396].

Попытка П. Сорокина построить социологическую систематику не увенчалась успехом во многом, как мне кажется, потому, что он следовал уже модной в

его время традиции «теоретической биологии» и намеревался выстроить филогенетическую социальную систематику — вместо разработки алгоритма классификации, к реализации которого могли бы подключиться другие ученые, как это было в биологии. Кроме того, построить социологическую систематику много сложнее, чем биологическую, — вероятнее всего, потому, что она должна включать в себя такую процедуру, как самоидентификация людей, т. е. более или менее полное их согласие с отнесением к какому-либо таксону. Продолжая эту традицию, социологи уже много десятилетий смотрят на «мыслящий тростник» — паскалевского человека, и вводят не верифицируемые классификационной логикой представления о существовании разного рода социальных групп (предметных аналогов видов, родов, семейств биологической систематики) для того, чтобы установить между ними «естественную историческую связь».

В современной социологии функциональное место систематики занимают статистическая обработка результатов исследований и так называемые математические методы. То, что в аналитической социологии признается существующим, возникает либо в результате статистической обработки первичной информации, либо в умах беспредметно философствующих ученых. Доказанное статистически существование служит основой для математического моделирования отношений существующего. Беда в том, что и это существующее, и эти модельные связи пребывают только в особом спекулятивном пространстве математизированной социологии, имеющем мало общего с тем, что видит и описывает полевой социолог. Статистика и матметоды создают, как правило, только иллюзию доказательств существования, и статистические группы (факторы, кластеры и проч.) «повисают» в предметном пространстве, заполненном спекулятивными сущностями, уникальными для каждого исследователя или исследовательской школы¹.

Статистическое, или математизированное, социологическое знание нельзя, ввиду отсутствия определителей, верифицировать, т. е. проверить, на каком основании исследователь решил, что полученные им результаты вообще относятся к некой социальной группе — прежде всего потому, что нет систематики этих групп. Статистика и матметоды создают свой особый мир, привязка которого к социальной эмпирии составляет чаще всего неразрешимую проблему, обычно решаемую искусством ремесленника. Поэтому в предмете социологии почти никогда нельзя с уверенностью сказать, что же существует, кроме «паскалевских людей» и статистических «групп», а тем более, нельзя проверить утверждения о существовании, сделанные другими исследователями.

Эти, казалось бы, специальные проблемы социологической классификации имеют далеко не специальное значение. Многие классификации «встроены» в ткань обыденной жизни, являясь основой группового поведения. Так, как я уже подчеркивал, классификационные конструкции К. Маркса и его интерпретаторов до сих пор остаются идеологической основой разных социальных революций, а результаты сталинского определения и классификации наций, ставшие у советских

¹ Иногда эти пространства унифицируются формальными конструкциями, такими как теория Т. Парсонса с ее спекулятивными категориями, родственными гегелевским различениям. В результате возникает содержательно пустое, но многозначительное единство математизированной и философской спекуляций, которое многими социологами считается высокой теорией.

обывателей повседневными различиями, и сейчас проявляются в форме межнациональной розни.

Операциональность понятий сословий и классов

При общей неупорядоченности предметной области социологии в ней есть структурированные части с более или менее верифицируемыми представлениями о существовании. Они возникли там, где в какой-то степени совпадают представления о существовании (имена) социальных групп, вводимые исследователями, и самоидентификации членов этих групп. Таковы понятия высшего, среднего и низшего классов. Столь же операционально понятие сословий, где определение «себя» как члена сословия врачей, например, вполне совпадает с выделением исследователями врачей как социальной группы. В каком-то смысле понятия классов, сословий (и каст) выгодно отличаются от других классифицирующих социологических понятий, так как существуют удобные процедуры проверки качества классификации. Можно, например, просто спрашивать людей, к какому классу или сословию они принадлежат и что дает им основания так считать. Или использовать для классификации непосредственно наблюдаемые признаки членов классов и сословий, такие как внешний вид, лексика, материальные символы сословной принадлежности, манеры поведения, места расселения и проч.

Классы и сословия изначально представляют собой понятия для анализа социальной структуры, вводимые для описания или объяснения несомненных (непосредственно наблюдаемых) различий в потребительском или правовом положении людей. Понятие классов используется для описания социальных иерархий в отношениях потребления², в то время как понятие сословий введено для описания иерархий служения, или обслуживания, прав и привилегий.

И классы, и сословия в момент возникновения этих понятий представляли собой не более чем теоретические или аксиологические интуиции. Эти «умственные сущности» превратились в социальные реальности только тогда, когда попали «в точку», т. е. совпали с «само собой разумеющимся», но, может быть, ранее не артикулированным разделением на социальные группы. После этого они стали исходными для групповой самоидентификации, т. е. для того, чтобы достаточное количество людей признали свою принадлежность к какой-либо группе и вполне рационально повели себя согласно ее нормам и стереотипам³.

² Понятия современной классовой теории стратификации не имеют ничего общего с понятиями марксистской классовой теории. Марксовы классы были введены для описания различий между людьми в отношениях собственности на средства производства, в то время как современные классы описывают различия в отношениях потребления. Разделение на высший, средний и низший классы, различающиеся уровнем и формами потребления, введено Уорнером в 1930-е годы аналитически, в настоящее время вошло в социальную практику и во многом определяет повседневное поведение в современных обществах.

³ Однако сама возможность введения понятий социальной стратификации и научного исследования сословной структуры возникает только в неоднородном классовом обществе после того, как в нем формируются разные системы социального отсчета. В синкретичном общественном устройстве его рефлексия имеет не научный, а мифологический характер.

Классы и сословия перестали быть только теоретическими конструктами и превратились в обыденные различия социальной практики, в саму реальность общественного устройства⁴. Они существуют «объективно», но эта объективность воспроизводится только в деятельности классифицируемых людей, самой их жизнью, а не привносится извне. При этом понятия классовой стратификации закрепляются в обычае и обычном праве⁵, в то время как понятия сословного устройства фиксируются в особых законах или традиции, имеющей силу закона. В результате такой фиксации каждое новое поколение вступает в уже стратифицированный мир, где ему приходится искать себе место в сложившейся классовой или сословной системе.

Высший, средний и низший классы современного рыночного общества существуют и воспроизводятся потому, что люди, более или менее рационально определившие свою классовую принадлежность, непрерывно ее подтверждают: работают и зарабатывают так же, как представители своего класса, покупают товары, которые покупают члены их класса, селятся там, где живут их соклассники, вступают в браки с членами своего класса, рожают детей столько, сколько полагается семьям данного класса. Они ведут себя «так, как надо», чтобы оставаться в своем классе и, может быть, если повезет, перейти на более высокую ступеньку потребительской иерархии.

Если понятия современных классов относительно ясны концептуально⁶, то с сословиями такой ясности нет. Более того, априори считается, что сословное устройство архаично, не специфицирует актуальную социальную реальность и что изучение сословий есть скорее задача историков и правоведов, а не социологов. Я, напротив, считаю, что современное сословное деление – применительно прежде всего к России – не менее, а, может быть, и более актуально, чем классовое, и что нерелевантная принадлежность к сословиям определяет социальное поведение в гораздо большей степени, чем принято считать.

Чаще всего подразумевается, что сословные принципы устройства социальной структуры со становлением рыночной экономики и демократии были в основном замещены классовыми, для которых характерны равенство граждан перед законом и преимущественно экономические отношения, и поэтому изучение сословий имеет только исторический интерес. Тем не менее сословные формы организации социальной жизни (например, аристократия) процветают и в современных обществах, сосуществуя с классовой структурой, демократиями и рыночными отношениями. Во многом к функциональным останкам сословной стратификации можно отнести современный институт профессии и профессиональной общности.

⁴ О критериях существования аналитических объектов и социальной практике, с ними связанной, см. в [Кордонский 2001].

⁵ Например, члены среднего класса негативно реагируют на появление в ареале их расселения членов низших классов. Обычай таков, что способствует территориальной классовой изоляции, хотя в писаном праве это не зафиксировано.

⁶ Дискуссии по поводу существования классов как «объективных реальностей» носят скорее философский, чем предметный, характер и отражают, скорее всего, принципиальную непроработанность предметных представлений о существовании (см. [Бауман 2002]).

Сословие – социальная группа, которая занимает определенное положение в иерархической структуре общества в соответствии со своими правами, обязанностями и привилегиями, закрепленными в законе и (или) передаваемыми по наследству. Такое определение сословия – с различными вариациями – переходит из текста в текст уже много лет и может считаться общепринятым. Сословная структура общества предполагает неравенство граждан перед законом, традиционное или введенное внешним образом. Неравенство в первую очередь заключается в том, что сословия имеют различающиеся права и обязанности перед государством и несут разные государственные повинности. Отдельные – явно или неявно – иерархизированные сословия связаны между собой в социальную структуру сословного общества отношениями служения и откупа (дани, оброка, подати, ренты и проч.). Сословная принадлежность часто наследуется, причем форма наследования иногда архаична (по праву рождения), а иногда вполне современна, когда дети военных и врачей сами становятся врачами или военными в ходе обучения. В современных обществах наследственный принцип формирования сословий соблюдается не жестко и членом сословия можно стать, заняв соответствующую должность, купив сословный статус, получив его в дар от суверена и т. д.

Сословия воспроизводятся, в частности, потому, что люди с рождения социализируются в системе взаимного служения и обслуживания, традиционной или рационально введенной государством. Они не мыслят себе иного устройства социального мира: они не только сами нереклексивно кому-нибудь служат, но и воспринимают служение других себе как естественное поведение. Добросовестное служение вознаграждается – жалуется сувереном, а размер жалования (содержания) должен быть пропорционален общепринятой в данном обществе значимости служения. Иное в сословном обществе несправедливо⁷. Рыночное поведение (не служение или обслуживание, а работа ради потребления) для членов такого общества выходит за границы их картины мира и воспринимается как маргинальное. В сословном обществе, согласно принципам его устройства, не может быть богатых и бедных (в современном смысле этих понятий), ведь ресурсы распределяются «по заслугам» перед сувереном или потому, что «так положено». Стремление к богатству (к наживе) или демонстрация благосостояния, не соответствующего сословному статусу, обычно считаются аморальными и негативно санкционируются, в отличие от самоограничения в потреблении, которое – иногда – культивируется как сословный идеал.

Само понятие труда ради заработка чуждо сословному устройству, в котором вместо рыночной оплаты по труду и доходов от бизнеса доминируют институты довольствия, жалования, сословной ренты, гонорара, пенсии, пайки и другие формы распределения ресурсов сообразно сословной принадлежности и статусу в сословии. Чем выше статус сословия и статус человека в сословии, тем больше ресурсов ему «положено» согласно принципам сословной социальной справедливости. Продажа труда и получение дохода в ходе рыночных операций-спекуляций, в от-

⁷ В дальнейшем изложении не оговаривается каждый раз, но понятие справедливости является базовым для сословного мироустройства и, как представляется, не имеющим референтов в классовом обществе. Сословная социальная справедливость заключается в распределении ресурсов между сословиями пропорционально их положению в иерархии сословий.

личие от ренты с сословного статуса, не могут считаться в сословном устройстве легитимным ресурсом, принадлежащим тому, кому он принадлежит по стечению обстоятельств или по результатам труда. Этим ресурсом «надо делиться» между всеми членами сословного общества, причем пропорции деления определяются критериями сословной (социальной) справедливости. Деление ресурсов составляет содержание общественной жизни в сословном обществе, в отличие от классового общества, экономика которого основана на конверсии ресурсов в капиталы и их расширенном воспроизводстве.

Внешними признаками принадлежности к современному сословию часто является наличие у его членов разных символов сословности – удостоверений личности, особых украшений, наград и знаков различия, часов определенной марки, униформы или, напротив, дизайнерской одежды, причесок, способа передвижения (марки и номера автомобилей, в частности), места компактного обитания. Кроме того, для сословий характерны специфические правила поведения – сословная мораль (моральный кодекс) и институты контроля за соблюдением сословных норм.

Классовое расслоение на богатых и бедных (в промежутке – средний класс) в общем случае мало соотносится с делением сословий на высшие/низшие или служивые/обслуживающие. Во внесословных обществах обычны ситуации, когда аристократы бедны, а богатые безродны, в то время как в обществах, в которых доминирует сословное мироустройство, члены высших сословий более обеспечены ресурсами, чем члены низших, хотя богатых и бедных (в классовом смысле этого слова) в них нет по определению.

В архаичном сословном устройстве (если исходить из некоей его простейшей модели) нельзя рассматривать общество как противопоставленное государству, так как в нем нет ни государства в современном смысле этого понятия, ни общества. Это некое синкретическое единство, в котором современный исследователь только аналитически может выделять протогосударственные и протообщественные институты.

Социальное положение человека в такой системе более или менее однозначно определяется указанием на его сословие по происхождению, профессию или какой-либо другой значимый признак. Члены высших сословий обычно относительно состоятельны, в то время как обделенные происходят из низших сословий или безродны. Синкретичность исчезает при дифференциации социальных отношений и возникновении собственно государства и собственно общества. Тогда для определения статуса человека уже недостаточно указать на его происхождение или профессию. В частности, в разделенном обществе знатные могут быть и бедными, а принадлежащие к низшим стратам – богатыми. Классовая структура общества (разделение на богатых и бедных) становится в таком обществе не менее значимым фактором, чем происхождение и родство. Сословия в таком дифференцированном обществе формируются, в том числе, социальными институтами образования и занятости. Неоднозначность и многомерность социального расслоения стиму-

лируют формирование собственно политических институтов и идеологий, необходимых для согласования интересов сословных и имущественных групп. Власть разделяется на ветви, возникают выборы как институт и различные конфликтующие идеологии⁸.

В докапиталистических обществах, как представляется, сословная (иногда кастовая, отличающаяся от сословной нормами наследования статуса) стратификация была доминирующей, если не единственной. С развитием рынков сословная система вытесняется классовой стратификацией (конечно, не полностью). При этом вытеснении система сословной социализации оказывается нефункциональной и по инерции продуцирует членов уже не существующих сословий. Поэтому возникает множество людей, обладающих навыками и знаниями, на которые нет спроса, и амбициями, которые нигде удовлетворить. Если люди не могут определить свое положение (классовое или сословное) в социальной структуре, то возникает аномия, социальная патология, впервые описанная Э. Дюркгеймом.

Аномия проявляется в первую очередь в том, что люди не могут отождествить себя ни с одной из актуальных социальных групп, у них нет для этого понятий. Понятий для определения своего положения в новой классовой структуре еще нет, и люди, лишенные групповой определенности, маргинализуются. Они сами не знают, чего им надо, и потому пребывают в состоянии социальной и психологической депрессии, чреватой аутоагрессией или просто агрессией. Люди, социализированные в сословном мироустройстве, но не желающие вписаться в классовые различия и не готовые работать ради более высокого уровня потребления, в классом обществе обречены на маргинальность, если при этом не являются членами сословия, сохраняющего значимое место в социальной системе благодаря монополии на ресурс. Персонажи, сохраняющие вопреки жизненным обстоятельствам сословную определенность, считают, что им как членам сословия (может быть уже несуществующего) что-то «положено», но не предоставлено, и потому они прозябают. Их усилия часто направляются на отстаивание права своего сословия на ресурсы и иногда превращаются в политические действия, в борьбу за социальное равенство и справедливость при распределении ресурсов. Именно такие социальные акторы наиболее восприимчивы к марксистской и аналогичным социальным классификационным конструкциям.

В сословных системах с их мифологизированными представлениями о социальном устройстве сословия существуют или сами по себе, или от Бога, эпического героя, или по воле суверена. В таких обществах обязательно есть идеологические институты (обычно главная конфессия), мифологически обосновывающие социальное неравенство сословий тем, что оно естественно, соответствует природе вещей, сотворено Всевышним или, наоборот, привнесено в результате происков «врагов народа». В имперской России это было сословие православных священнослужителей, а в СССР – идеологические работники КПСС и их обслуга – советская творческая элита, обосновывавшая средствами социалистического реа-

⁸ Одной из идеологий непременно является стремление к возврату прекрасного прошлого, в котором не было неоднозначности в определении социального положения человека и, соответственно, несправедливости в распределении ресурсов. Такая идеология воплощается, в частности, в теориях корпоративного государства, коммунизма или фашизма.

лизма необходимость неравномерного, но справедливого распределения ресурсов между сословиями во имя построения светлого будущего, в котором у всех будет одинаковая пайка. В современной России еще только формируется такой институт сословных идеологов, в функции которого входит конституирование «суверенной демократии» как мифологического обоснования складывающегося социального неравенства.

В классовых обществах социальное неравенство их членов обосновывается более рационально с использованием научной методологии и средств массовой информации и коммуникации. Науки экономика, социология, политология (в их многочисленных специализациях) ориентированы, в том числе, на исследование социального неравенства и его теоретическое обоснование или опровержение. Результаты исследований беллетризуются и тиражируются средствами массовой информации, воплощаясь в образы массовой культуры, служащие стереотипами поведения для членов классового общества.

Современные сословия, сохраняя в какой-то степени корпоративность и замкнутость, вписаны в классовую структуру национальных государств и демократическое общественное устройство, обеспечивая себе преференции на чуждом им рынке за счет традиционного или узаконенного права на монопольное использование специфического для сословия источника ресурсов. Эти ресурсы достаются членам сословий «по наследству», по закону, в результате обучения или вследствие стечения обстоятельств. Так, современные медики «по закону» монополизировали право на лечение, а ученые по традиции – право на получение нового знания. Капитализируя эти ресурсы, члены сословий выходят на современные рынки, становясь богатыми, бедными или принадлежа к среднему классу.

Чаще всего сословия «заточены» на использование какого-либо фиксированного ресурса, и переход на иной тип ресурсов, нежели привычный, для них сроден социальной катастрофе. Сословное мироустройство в целом также адаптировано к той совокупности ресурсов, которые свойственны образующим его сословиям. Появление нового ресурса ведет к формированию сословия, на нем специализированного, а исчерпание ресурса (в том числе отмена сословной монополии) – к деградации сословия. Поэтому сословия жестко отстаивают свои корпоративные интересы и ресурсные возможности, выстраивают системы политического и экономического лоббирования и тем самым участвуют в политической жизни. Исчерпание ресурсов многими сословиями, входящими в какое-либо мироустройство, ведет к деградации этого мироустройства или к его фазовой трансформации в новое сословное социальное образование, как это произошло с Российской империей и СССР.

Сословное устройство и классовая структура не альтернативны ни как теоретические конструкции, ни как их поведенческие реализации. Они сравнительно мирно сосуществуют в современных обществах, различающихся, в частности, тем, какая структура и в каком отношении доминирует. В национальных государствах сословная структура, модернизировавшись, сосуществует с классовой, причем условия их сосуществования специфичны для каждого государства. В таких государствах методом проб и ошибок выработаны оптимальные сочетания сословного устройства и классовой структуры, обеспечивающие рыночную динамику и поли-

тическую стабильность при минимально возможной аномии. Так, при несомненном рыночно-демократическом устройстве современных европейских стран они различаются среди прочего тем, как и каким образом демократические институты сочетаются в них с традиционным устройством общественных отношений, в первую очередь с сословной структурой.

Многие сохранившиеся сословия таких обществ сейчас тесно связаны скорее не с государствами, а с транснациональными корпорациями. К примеру, это произошло с врачами, сословные сообщества которых фактически срослись с фармацевтическими гигантами, став элементами мировой монополии на диагностику, лечение и профилактику болезней.

Транснациональные корпорации в отношениях между собой формируют специфическое пространство глоболизирующегося рынка, в котором сословия национальных государств вне зависимости от их внутреннего устройства выступают лишь одним из элементов. Сословные принципы социальной стратификации (во внутригосударственной социальной практике в значительной степени замещенные классовыми различиями) составляют в настоящее время основу устройства корпораций. Их многочисленные сотрудники, рассеянные по всему миру, связаны межсословными внутрикорпоративными отношениями не менее жестко, чем члены сословий феодальных обществ в прошлом.

В таких корпорациях имеют место жесткая сословная иерархия, обосновываемая внутренними мифологиями компаний, формализованные системы распределения ресурсов пропорционально сословному статусу и внутрикорпоративное представление о социальной справедливости, корпоративное право и система правоприменения, в том числе суды, тщательно культивируемая корпоративная мораль. Отношения между внутрикорпоративными сословиями и между членами разных корпораций внутри одного сословия строятся на принципах административного рынка. Ценностям свободного рынка и демократии внутри корпораций места нет, они находятся как бы вне корпораций, в политических системах национальных государств.

Если рассматривать классы и сословия как понятия идеальных типов общественной организации, то можно сказать, что классовой структуре общества соответствуют капиталистическая организация хозяйства, всеобъемлющий рынок с его товарами и деньгами, и демократия. Сословной структуре соответствуют ресурсная организация хозяйственной жизни, локальные рынки-базары и такие формы согласования интересов, как сословные собрания и соборы.

Подводя методологические итоги, можно выделить по меньшей мере два идеальных типа соотношений между классовой и сословной стратификациями. Идеальных в том смысле, что они в чистом виде не реализуются. Первый тип — безусловное доминирование сословного устройства. Такое устройство характеризуется отсутствием в нем товаров, денег, рынка и производства в экономическом смысле этих понятий. Все материальное и нематериальное есть ресурсы, полностью контролируемые сувереном (каким бы он ни был) и распределяемые — разделяемые им между сословиями согласно той форме социальной справедливости, которая формально является общепризнанной. Ресурсы складываются, отчуждаются — вычитаются и делятся, но не преумножаются. Суверен заботится о наро-

де – совокупности сословий, распределяя ресурсы так, чтобы привилегированные сословия не утратили способность к самоконтролю, а податные не умирали с голоду. Он прислушивается к мнению сословий, доходящему до него в форме писем трудящихся, жалоб, доносов, челобитных и проч.

Почти так было в имперской России, где до конца XIX в. сословные институты, такие как дворянские собрания, оставались весьма значимыми факторами социальной стабильности. К идеальному сословному устройству приближался СССР, где роль съездов и пленумов КПСС, партийных, комсомольских и профсоюзных собраний нельзя недооценивать, как и значение таких институтов, как «жалобы и письма трудящихся» в органы власти или в газеты, а также доносы на «проворовавшихся чиновников» и соседей-сослуживцев. Между сословиями при таком устройстве общества нет и не может быть политических отношений и политики как отдельной формы деятельности, как нет права в общепринятом смысле этого слова [Пастухов 2007]. Вместо политики существуют разного рода административные рынки, на которых распределяются ресурсы, а функции права в каком-то смысле выполняют воля суверена (в СССР – советского народа), «порядок управления» ресурсами, сословная мораль и разнообразные «кодексы чести».

В таком сословном обществе нет институализированных богатых и бедных, есть более или менее обеспеченные ресурсами сословия. Имущие и неимущие, тем не менее, есть, но они не имеют легальных институтов лоббирования своих имущественных интересов, хотя интересы имеют и по-своему их реализуют. Неимущие – в жалобах, доносах и движениях социального протеста – восстаниях и бунтах. Имущие покупают преференции и дают взятки, откупаясь от сословных контролеров, осуществляющих надзор за соблюдением социальной справедливости.

Естественно, в этой системе отношений нет необходимости в демократии как институте согласования интересов, как нет и личности вне сословной определенности. При полном доминировании сословного устройства нельзя даже аналитически разделить экономику и политику, государство и общество. Сословное устройство такого рода представляет собой синкретичное целое – корпорацию, феодал или общенародное государство.

При безусловном доминировании классового устройства полностью разделяются экономика и политика, с одной стороны, и государство и общество – с другой. Производство товаров и оборот денег определяют экономическую динамику, общество делится на богатых и бедных (в их многочисленных вариациях), согласование интересов между которыми обеспечивается политическими институтами через правоустановление. Права человека определяются вне зависимости от классовой, сословной и политической принадлежности людей. Функции власти ограничиваются правоустановлением, правоприменением и обеспечением безопасности.

Эти идеальные типы потому и идеальны, что не реализуются в чистом виде. Реальные общности представляют собой некое объединение сословности и классовости при доминировании или той, или другой, проявляющемся, прежде всего, в устройстве власти. При доминировании классовой структуры политическая роль сословий ограничена лоббированием их ресурсных интересов, а политическую погоду задают в конечном счете отношения между богатыми и бедными, интересы

которых представлены разного рода политическими партиями. Так устроено современное западное общество. При преимущественно сословном мироустановлении политика и политические институты находятся на периферии социального устройства, режим считается авторитарным и недемократичным, личность и свобода реализуются в основном в рамках сословных институтов. Так были устроены имперская Россия и СССР.

Российские классы и российские сословия

Если следовать излагаемой логике, специфика современной России заключается в том, что ни классовая, ни сословная стратификация не интериоризирована российским обществом настолько, чтобы их понятия стали бы обыденными различиями социальной практики, как это происходит в классовых обществах или было в имперской России и СССР, где сословная идентификация во многом определяла повседневное поведение. Так, О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов считают, что «в современной России сформировался своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой структуры, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет» [Шкаратан, Ястребов 2007].

В российском обществе можно выделить признаки, характерные для классовых обществ, однако граждане России, даже принимая для других сограждан различия богатых и бедных, затрудняются определить свое собственное место в классовой структуре. Понятия богатства и бедности в эмпирическом исследовании нашего общественного устройства, как правило, трудно операционализировать. По всем внешним признакам человек, например, является бедным, однако сам себя таковым не считает [Научный отчет о бедности]. Более того, многие граждане, состоятельные по российским меркам, также не считают себя богатыми. Если верить респондентам, то большинство «живет нормально» и принадлежит к среднему классу. Столь же проблематична сословная идентификация, основанная главным образом на советских принципах: человек, например, продолжает себя считать рабочим, хотя занимается мелким бизнесом, или ученым, хотя уже давно профессионально занимается политикой.

Ситуация в какой-то степени парадоксальная: известно, что любое общество стратифицировано, в том числе и наше. И эта стратификация видна даже не владеющему научным аппаратом обывателю. Однако то, как общество стратифицировано, непонятно. При бросающихся в глаза различиях в уровнях благосостояния и потребления высший, средний и низший классы выделить не удается. И публично заданное законами о государственных служениях неравенство граждан перед законом не стало общепризнанным фактом. Исследователи, опирающиеся в основном на импортированные теории, тем не менее пытаются рассматривать Россию как классовое общество, анализируют профессиональную и символическую стратификации, используя теоретические различия, вполне адекватные для других социальных систем. Однако их результаты считываются так, как будто описывается не российское общество, а какое-то другое. Понятийное зеркало предстает не то кривым, не то мутным, а иногда нарочито дефектным, как в «комнате смеха». Импортированные теоретические различия оказываются, по сути, искусственными

и адекватными исповедываемой исследователями теории, а не обыденной практике тех, кого в ней пытаются стратифицировать.

С моей точки зрения, Россия – страна, в которой в стабильные времена (вне революций и перестроек) доминирует сословное мироустройство, основанное на неравенстве граждан перед законом и различиях в объемах прав и обязанностей перед государством. Она была и остается ресурсным государством, в котором ресурсы не преумножаются, а распределяются – делятся между сословиями. Приращение ресурсов осуществляется за счет «расширения ресурсной базы», а не за счет производящей товары деятельности и оборота капитала. При исчерпании ресурсов и невозможности расширения ресурсной базы происходят фазовые изменения сословной структуры – революции разного масштаба, при которых одни сословия исчезают, другие формируются, но уже на иной ресурсной основе.

О. Бессонова для описания отечественного социального устройства ввела понятие раздаточной экономики, принципиально отличающейся от рыночной экономики [Бессонова 2007]. Она показала, что совокупность «сдач» (натуральные и финансовые сборы с населения, выполнение повинностей, государственная служба, военная служба и т. д.) в сочетании с совокупностью «раздач» – жалований, пенсий, пособий, привилегий образует базовую структуру государства-общества, которая непрерывно корректируется жалобами членов сословий на нарушение норм сбора ресурсов-сдач и норм раздач. Цикл «сдача – раздача – жалоба (донос)», с точки зрения Бессоновой, был основой социальной системы и в Московском государстве, и в Российской империи, и в СССР. Он остается базовой социальной реальностью и в постсоветской России. Сбой цикла (невозможность обеспечить сбор ресурсов либо несправедливое их распределение и соответствующее невыполнение социальных обязательств – раздач) приводит к трансформации жалоб-доносов в бунты и в революции, к распаду сословной системы и последующему ее возрождению – но уже с новыми сословиями, как это происходит сейчас.

Классовая структура в России вследствие этого возникала только перед революциями, которые были направлены как на разрушение остатков старой сословной структуры, так и нарождающейся новой классовой. Классообразование в нашей стране, по-видимому, уже несколько раз прерывалось социальными революциями, в ходе которых старые сословия делегитимизировались, а члены ранее привилегированных сословий иногда физически ликвидировались. Классовая структура в России уже более ста лет не может сформироваться, ее сметают волны сословной жажды социальной справедливости, после которых на выжженном революциями социальном поле вырастают, как сорняки, новые сословия.

Недоразвившиеся рыночные структуры и демократические институты начала XX в., возникшие при распаде ресурсного устройства и сословной структуры имперской России, были полностью элиминированы социалистической революцией, как и становившаяся классовая социальная стратификация. Вместо имперской сословной структуры в СССР было введено социалистическое сословное мироустройство, которое, в свою очередь, было разрушено при распаде СССР. Равно как в начале XXI в. недосформированные классы богатых и бедных целенаправленно элиминируются, замещаясь привилегированными служивыми и неявно ущербными обслуживающими сословиями.

Последствия радикального большевистского подхода к социальному устройству, полностью элиминировавшего классовую структуру в пользу сословной, страна переживала весь XX в. И сейчас не ясно, каким образом Россия, не возрождая в полной мере – в ущерб рынку и демократии – ресурсное хозяйство и сословное устройство, сможет выйти из синкретической экономической/социальной/политической депрессии. Или как она, не развивая внутренний полномасштабный рынок, сможет взаимодействовать с транснациональными корпорациями и быть агентом мировых экономических процессов⁹. Ведь развитие внутренних рынков несовместимо с всеохватывающим распределением ресурсов, а демократические процедуры нефункциональны при сословном устройстве общественных отношений. Не может быть рынка без демократии как института согласования интересов в классовом обществе, а сословного устройства – без отчуждения ресурсов с рынков, их распределения по критериям сословной справедливости и системы репрессий против расхитителей ресурсов, нарушителей этой справедливости.

Россия внутри себя сейчас самоорганизуется как огромная корпорация¹⁰, а с агентами глобального рынка стремится взаимодействовать как национальное государство, агент традиционного и не глобализованного рынка, экспортер и импортер. Тем самым она оказывается в противофазе мироустройству, в котором рынки находятся как бы внутри государств, а корпорации как бы вне их. Вследствие этого другие национальные государства воспринимают ее как страну с нерыночной корпоративной экономикой и авторитарной властью, а глобальные корпорации – как агента рынка, играющего совсем не по правилам межкорпоративных отношений.

В работе «Ресурсное государство» я попытался показать, что в последние годы в России идет восстановление народного (ресурсного) хозяйства, неправомерно интерпретируемое как экономический рост. Параллельно с восстановлением народного хозяйства воссоздается и сословная структура – вопреки мнению о становлении демократии. Одновременно минимально сохраняются постперестроечная инерция формирования принципиально не сословных – рыночных – отношений и тенденция к классовому расслоению на богатых и бедных¹¹.

Между складывающимися сейчас сословной и классовой стратификациями нет однозначных отношений, и априори нельзя сказать, что принадлежность к

⁹ Для адекватного взаимодействия с корпорациями необходимо, очевидно, включение высокоспециализированных отечественных сословий в их структуры. Российские профессиональные сословия при полной поддержке государства до настоящего времени сопротивляются этому. Они замыкаются в себе, что четко видно, например, по отечественным ученым и врачам. В результате воспроизводятся «российская наука» и «российская медицина», в значительной степени изолированные от мировой научной и медицинской мысли и практики и, следовательно, от их результатов. Наука все больше становится схоластичной, а медицина остается по меньшей мере «несовременной».

¹⁰ Председатель Центризбиркома В. Чуров, выступая в сентябре 2007 г. на телеканале «НТВ», заявил, что мы уже построили корпоративное государство, а В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что государство и бизнес должны строить свои отношения как внутрикорпоративные.

¹¹ Такая гипотеза вполне может претендовать на объяснение того, почему современные социологи никак не могут найти средний класс в нашем общественном устройстве – просто потому, что его пока нет, как нет низших и высших классов. Вместо классов формируются более или менее привилегированные сословия, права и повинности которых закреплены в законе.

служивым постсоветским сословиям автоматически приводит к членству в высшем классе по уровню потребления. Можно, конечно, предположить, что чем больше сословной упорядоченности и административно-рыночного распределения ресурсов, тем меньше рыночности и демократичности, и наоборот. Однако социальное устройство России столь сложно и настолько не вписывается в стандартную обществоведческую логику, что подобные утверждения были бы преждевременными.

Поскольку в настоящее время окончательно не сформировались ни сословная, ни классовая структура, для живущих в России людей характерна всеобщая анонимия. В актуальной реальности нет групп, с которыми люди могут себя однозначно идентифицировать. Они не могут определить себя ни как богатых или бедных (не говоря уже о принадлежности к среднему классу), ни как членов сословного общества (служивых и податных-обслуживающих, например). Маргинальность нашего общества всеохватывающая и проявляется в ослаблении институтов семьи и социализации, в наркотизации, алкоголизации, а также в повальном нецелевом использовании и расхищении ресурсов, т. е. разворовывании всего, что плохо лежит. Сегодняшняя власть пытается преодолеть аномию, создавая новую сословную структуру. Это значит, что идеология сословного устройства, пережив революции и перестройки, остается основой отечественного социального устройства. Сословное неравенство, воплощаемое в системе законов о разного рода государственных служениях и службах, в повседневной жизни постепенно становится более значимым, чем формальное конституционное равенство граждан Российской Федерации.

Сословное устройство имперской России

История сословной структуры Московского царства и имперской России исследована лишь в малой степени, возможно, из-за еще советской политизированности этой темы. Очень мало работ, в которых сословная структура исследовалась бы как целое. Н.А. Иванова, В.П. Желтова, авторы одного из немногих исследований такого рода, отмечают: «...отечественная и зарубежная литература в большинстве своем посвящена отдельным сословиям и классам, различным, нередко довольно узким хронологическим периодам, многим частным, хотя и значимым вопросам» [Иванова, Желтова 2004]. Между современными историками нет согласия ни по поводу принципов сословного устройства, ни в отношении их эмпирической реализации. Г. Фриз пишет: «Допетровская Россия не знала ни этого термина <сословие>, ни какого-либо его эквивалента, так как ее общественная структура включала множество групп... В одном из терминологических словарей, посвященных лексике того периода, зафиксировано около пятисот отдельных социальных категорий, обозначающих различные ранги и статусы... современное понимание термина “сословие” возникло только в начале XIX в.... сословная система была динамичной и продолжала активно развиваться (а не распадаться) в XIX столетии...» [Freeze 1986].

Согласно концепции Б.Н. Миронова, «...Московское государство являлось государством бессословным: большая или меньшая имущественная состоятельность, виды имущества и занятия служили наиболее важными отличительными признаками социальных групп, которые были открыты на входе и выходе. Основ-

ные категории населения не являлись сословиями в европейском смысле этого понятия, но они также не вполне соответствовали современному понятию “класс”, так как происхождение играло важную, а в случае с элитой решающую роль для социальной идентификации. <...> К концу XVIII в. в России... сформировались сословия, которые обладали основными признаками истинного сословия: (1) их сословные права были закреплены в законе; (2) права являлись наследственными и безусловными; (3) они имели свои сословные организации (дворянские собрания, городские думы, купеческие, мещанские, ремесленные, крестьянские общества и другие) и сословный, не зависимый от коронной администрации суд; (4) пользовались правом самоуправления; (5) обладали сословным самосознанием и менталитетом; (6) имели внешние признаки сословной принадлежности... Формирование сословий в России... происходило под западноевропейским влиянием. <...> Это обстоятельство послужило важной причиной того, что сословный строй, сложившийся в России к концу XVIII в., был похож на сословный строй европейских государств XVIII в., где он уже разрушался, а не на западный сословный строй в момент его расцвета в XIII–XV вв. <...> Важные реформы, происшедшие в конце XIX – начале XX в., такие как отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских и политических прав всем населением в 1905 г., привели к тому, что к 1917 г. все сословия юридически утратили свои специфические сословные права. К 1917 г. ... сословная парадигма, упраздненная юридически, не была окончательно ликвидирована фактически и психологически...» [Миронов 1999].

В то же время Н.А. Иванова и В.П. Желтова пишут: «...общий подход Б.Н. Миронова к исследованию сословий оказался для нас неприемлемым. Автор считает, что Россия развивалась тем же путем, что и западноевропейские страны, но лишь с некоторым опозданием... На наш взгляд, изучение сословного строя в Российской империи, как и процессов классовобразования, правомернее вести, исходя из имманентного развития общества в самой стране...» [Иванова, Желтова 2004.].

Ресурсная основа сословного устройства не входит в круг интересов историков. Исследования О. Бессоновой [Бессонова 1997] показывают, что экономика страны в историческое время не была рыночной и что она была сформирована отношениями сдач-раздач (распределения ресурсов и их отчуждения), которые доминировали и в Московском царстве, и в имперской России, и в СССР. Эти отношения как раз характерны для сословной структуры, которую О. Бессонова специально не анализирует.

Я склонен согласиться с Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой в том, что социальное развитие в Европе и в России шло по-разному. Сословная структура европейских государств с развитием рынков теряла доминирующие позиции и замещалась классовой, в то время как в России в катаклизмах XIX, XX, а теперь и XXI в. происходили делегитимация старых сословий, формирование новых и замещение в социальной структуре «старых» сословий «новыми».

При этом рынки и сопутствующее им изобилие товаров и услуг, возникавшие на исторически короткое время при распаде сословных систем распределения,

элиминировались в ходе социальных революций и замещались новыми после-революционными распределениями ресурсов по сословной – социальной справедливости с непрямым их рacionamento и дефицитом – как следствием рacionamento. Революции можно, в частности, рассматривать и как массовый протест разночинцев (появлявшихся в результате распада традиционных сословий) против неравенства в уровне потребления и социальной несправедливости, неизбежных следствий первоначального накопления капитала. После завершения революций создавалось новое сословное общество с новыми сословиями, устанавливалась социальная однородность (путем ликвидации старых сословий и классов) и вводилась новая социальная справедливость (посословное распределение ресурсов). Так, после Великой Октябрьской социалистической революции были сформированы классы-сословия советских рабочих, крестьян и служащих, участвовавших в распределении общенародных ресурсов и не имеющих ничего общего с классами современных им капиталистических обществ.

Советские сословия

Мне не удалось найти работ, в которых сословная структура СССР исследовалась бы как целое. В каком-то смысле исключение составляет цикл работ немецкого социолога В. Теккенберга, носящих, тем не менее, скорее философский, чем социологический характер [Tekkenberg 1981–1982; 1989]. Существуют исследования, в которых описывается социальное положение отдельных советских сословий, чаще всего ограниченных в правах¹², однако сословия представлены в этих работах обособленно, вне системы в целом. Существует множество текстов советского времени, посвященных исследованию рабочих, крестьян и служащих, но степень идеологизированности этих работ и – в большинстве случаев – практическое отсутствие в них эмпирического материала позволяют относиться к ним не как к научным исследованиям, а как к продукции советских сословных мифотворцев-идеологов¹³.

Можно только констатировать, что имперская система межсословных отношений, независимо от того, какой она была, исчезла в ходе Февральской революции 1917 г. В ходе социалистического строительства представители имперских сословий, которые оказались в пределах досягаемости Советской власти, были уничтожены «как класс». Почти до конца XX столетия в анкетах советских граждан оставалась графа «происхождение», и запись в ней «из дворян» автоматически означала ограничение в правах, т. е. невозможность перехода в какое-либо другое, полноправное сословие советского общества. Существовали институт «лишения прав» (как практика применения социалистической законности), «лишенцы» как особое бесправное советское сословие¹⁴ и институт ограничения в правах тех, кто,

¹² Спецпоселенцев (см. [Бердинских 2005]), нэпманов (см. [Пахомов, Орлов 2007]), работающих по найму (см. [Борисова 2006]), лишенцев, «спецов», ссыльных, спецпоселенцев, трудармейцев (см. [Маргиналы в социуме...]).

¹³ К исключениям относится, например, работа [Гордон, Клопов 1972], а также некоторые другие.

¹⁴ Лишенец – гражданин СССР, в 1918–1936 гг. лишенный избирательных прав согласно первой Конституции СССР. Лишенцы не только не могли голосовать, но им также было запрещено работать в государ-

например, «находился на оккупированной территории» или был замечен в привычках или связях, «порочащих советского человека».

Классы – сословия рабочих, крестьян и служащих – усилиями ВКП(б)–КПСС стали основой советской социальной структуры. Анкетная запись «из рабочих», «из крестьян» и «из служащих» определяла сословный статус советского человека, опять же по происхождению. Процесс становления советской сословной структуры описан А. Блюмом и М. Меспуле следующим образом: «Все более частое использование категорий идентификации в политических целях не следовало единой и логичной схеме... В отношении конструкций индивидуальных идентичностей можно выделить три противоречивых тенденции. Первая из них связана с категориями, которые создавались различными учреждениями и в дальнейшем влекли за собой дискриминационные (а зачастую и репрессивные) меры или же акты позитивной дискриминации... Требовалось точно устанавливать “подлинных” немцев или “подлинных” греков, и таким образом выявлять тех, кто точно не указывал свою национальность. Вторая тенденция... связана с развитием формы автобиографической идентификации, ставшей обязательной при вступлении в партию... Наконец, судебные процессы и репрессии 30-х годов выдвигают на первый план принадлежность к некоей сети, кругам и привлекают внимание к связям между людьми» [Блюм, Меспуле 2006].

Согласно С.А. Красильникову, «...после революции, когда формально сословная система была разрушена (упразднена декретами), произошло ее возрождение и воссоздание в новых видоизмененных формах как новой советской сословности под видом классов. Иначе говоря, произошла рефеодализация общества в целом. Основанием для такого утверждения может служить то, что основным признаком сословности – объем прав, привилегий и повинностей по отношению к государству – стал еще более выпуклым и очевидным, поскольку роль государства после революции не только не ослабла, но и многократно возросла.

Исходя из сказанного, можно было бы выделить в советском обществе пять групп сословного типа:

- номенклатура. По аналогии с дореволюционным сословием сталинскую номенклатуру можно определять как “служилое дворянство”, ибо права и привилегии давались ей только за службу, а правами собственности и ее наследования номенклатура не обладала;
- рабочие как квазипривилегированное сословие. Многие их права скорее декларировались, но по ряду признаков рабочие выделялись из общей массы. Среди них большими правами обладала группа передовиков – стахановцев;
- специалисты и служащие. Внутри этой страты можно выделить привилегированные группы – элиту, представители которой имели ряд привилегий, аналогичных тем, которыми пользовались до революции “почетные граждане”,

ственных органах, получать высшее или техническое образование. Лишенцам не выдавались продуктовые карточки, что в период голода зачастую приводило к голодной смерти. Избирательные права лишенцам были возвращены Конституцией 1936 г. Избирательных прав лишались бывшие офицеры и полицейские, лица, использующие наемный труд, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала и т. д.), торговцы и посредники, священнослужители и монахи, осужденные по суду, умалишенные и опекаемые. Также в лишенцы записывались члены семей людей из перечисленных групп.

а также торговых работников, занимавших ключевые позиции в распределительной системе;

- крестьянство. Эта группа в наибольшей степени сохраняла свои сословные признаки вплоть до начала коллективизации, в ходе и после которой в деревне происходили активные процессы раскрестьянивания;
- маргинальные группы, в число которых входили остатки привилегированных в прошлом сословий — священнослужители, купечество, дворянство, а также «новообразования» сталинской эпохи — спецпереселенцы, тылоополченцы и т. д.» [На изломах...].

Классификация С. Красильникова фиксирует базовые — по его мнению — принципы сословного устройства СССР, однако не покрывает всего многообразия форм советской сословности, до сих пор, на мой взгляд, не описанные. Не претендуя на исчерпывающий анализ, тем не менее попробую определить логику и частично описать практику советской сословности.

Если в Российской империи сословия определялись, как правило, сочетанием традиции и закона, то в СССР основные сословные различия сначала были введены идеологически (в рамках мифа о коммунистической утопии), а потом — в 1936 г. — и конституционно. Основой социальной структуры стали идеологически сконструированные сословия — классы рабочих, крестьян и служащих, равно необходимые в деле социалистического строительства, конечной целью которого было создание социально однородного советского народа: единого сверхсословия, в котором все советские люди обладали бы одним объемом прав и обязанностей.

Классы социалистического общества были идеологическими конструктами, выделенными относительно функции строительства коммунистического общества будущего: рабочие создавали ресурсы для крестьян, крестьяне — для рабочих, а служащие (в сталинском определении социальной структуры — трудовая интеллигенция) координировали потоки ресурсов между рабочими и крестьянами. Эти идеальные сословия с 1936 г. (с принятия сталинской конституции) стали конституционными фундаментальными сущностями, и уже к ним сводились и из них выстраивались все другие актуальные социальные различия: функциональные, отраслевые, территориальные. Советский человек обязан был иметь происхождение из рабочих, крестьян или служащих, и это создавало ему возможность для вертикальной сословной мобильности при сохранении исходной сословной принадлежности. Члены Политбюро ЦК КПСС и его более ранних эквивалентов до смерти считались, в основном, рабочими, а члены семей врагов народа так и умирали ЧСИРами.

Если использовать ранее упомянутые критерии Б.Н. Миронова для определения советских сословий, то можно сказать, что права советских сословий были закреплены социалистической законностью и были безусловными. Отстаивание своих прав мотивировалось, например, тем, что «мы — шахтеры, и имеем право...». Юридически принадлежность к сословию не наследовалась, однако подразумевалась по логике советского анекдота, который так нравится президенту РФ: «Сын генерала может стать генералом, однако не может стать маршалом, так как у маршала есть собственный сын».

Сословия имели свои сословные организации, такие как партячейки по месту работы, профсоюзные и комсомольские организации, собрания которых в необходимых случаях выполняли функции «судов чести». Обсуждение на партийном или профсоюзном собрании поведения членов сословий, нарушивших какие-то нормы, было обычным делом.

Члены советских сословий обладали сословным самосознанием и менталитетом («мы – военные», «мы – чекисты», «мы – крестьяне», «мы – рабочие» и т. д.). Права на сословное самоуправление не было, однако частичная самостоятельность решений сословных (партийных, профсоюзных, комсомольских) собраний все-таки была. Существенной части сословий была предписана униформа, и, значит, их члены имели внешние признаки сословной принадлежности.

Предельно идеализированные внешние признаки сословной принадлежности «внедрялись в массы» в виде соответствующих культурных архетипов, таких как, например, скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Парадные портреты героев войны и труда, их кинематографические и театральные образы образовывали галерею приемлемого внешнего вида и форм публичного поведения. Строители социализма в обыденной жизни следовали этим стереотипам, навязанным все пронизывающей «пропагандой и агитацией», а на парады и демонстрации, знаменовавшие всеобщее ликование по поводу «единства партии и народа», обряжались в как можно более точном (насколько позволяли категория снабжения и возможности «достать дефицит») соответствии с архетипами «настоящих строителей социализма». Попытки выйти за пределы дозволенного во внешнем виде и публичном поведении строго пресекались посредством особого рода мероприятий, таких как «борьба со стилигами» и иными формами «низкопоклонства перед Западом».

Отношения между советскими сословиями регулировались нормами социалистической законности, в которой были кодифицированы санкции за нарушение порядка обращения с ресурсами. Кроме социалистической законности, были и другие, канонические для сословного общества регуляторы отношений, такие как социалистическая мораль, кодифицированная в конечном счете в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Институты партийных, профсоюзных и комсомольских собраний, прежде всего, служили регуляторами сословной морали, на них обсуждались и осуждались нарушения моральных норм социалистического строительства.

Советские сословия, кроме того что являлись идеологическими институтами, были еще и социально-учетными группами, формируемыми социалистическим государством для решения конкретных проблем концентрации и распределения трудовых ресурсов – на основании признаков пола, возраста, национальности, образования, происхождения, места жительства, занятости в отраслях социалистического ресурсного хозяйства. Фактически каждый параметр паспортного учета (пункты советского паспорта) конституировал определенное учетное сословие, которому нечто полагалось, но и нечто вменялось в обязанности. Мужчины и женщины, дети и старики, русские, татары, евреи (и все другие «сталинские нации») образовывали учетные сословия. Состав их определялся порядком управления, т. е. совокупностью непубличных подзаконных актов и ведомственных инструкций, фиксирующих порядок доступа к ресурсам членов сословий. Институт профессии

в таком социалистическом мироустройстве был в какой-то степени эквивалентен сословной принадлежности. Профессионализация была, прежде всего, сословной социализацией, и смена профессии в ходе жизни рассматривалась властью как изменение учетно-сословной принадлежности¹⁵.

Социально-учетные сословия¹⁶ создавались по государственной необходимости. Советская власть, решая задачи социалистического строительства, постепенно превратилась в фабрику по производству сословий, необходимых для решения задач этого строительства. Для реализации социалистических планов развития создавались министерства и ведомства, которым полагался трудовой ресурс в виде рабочих, крестьян и служащих с определенными учетными признаками. Органы управления трудовыми ресурсами удовлетворяли отраслевые потребности социалистического строительства, в результате чего возникали, например, учетные сословия целинников и космонавтов, шахтеров и железнодорожников, работников совхозов и водного транспорта. Граждане социалистического государства после оформления на работу в соответствующие министерства и ведомства получали полагающиеся строителю социализма продовольственные и иные ресурсы, становились членами сословий.

Некоторые сословия оказывались не функциональными или не соответствующими целям конкретного этапа социалистического строительства. В этом случае сословия репрессировались, а их члены ограничивались в правах. Такими были, например, «репрессированные нации»: чеченцы, калмыки, крымские татары и многие другие. При этом сословия, созданные для определенных задач, после их решения не расформировывались, а продолжали свое существование, как правило, с понижением статуса — объема ресурсов, выделяемых на осуществление предписанной сословию деятельности.

Постепенно существенная часть населения страны была переодета в униформу с погонами и без, а в официальном «отрывном календаре» почти на каждой его странице был обозначен главный праздник какого-либо сословия: от «7 ноября» как главного праздника членов КПСС до «дня чекиста» или «дня рыбака». В ходе такой фабричной генерации сословий их общее количество к концу XX столетия оказалось столь большим, что само понятие социалистического сословия и принадлежности к нему в значительной степени стало номинальным, лишенным иного смысла, нежели доступ к «кормушкам», которые к тому же к 1980-м годам изрядно захирели¹⁷.

Другие социально-учетные сословия возникали для выполнения социальных обязательств перед участниками социалистического строительства, возникших

¹⁵ Наверное, именно поэтому советские исследования социальной структуры в основном базировались на профессиональных различиях (см., например [Арутюнян 1971]).

¹⁶ В работах [Рынки власти...] и [1987–1997: per aspera ad anus] я называл их социально-учетными группами.

¹⁷ При реализации принципов социальной справедливости слишком много сословий получило доступ к «кормушкам», а ресурсов для распределения становилось все меньше и меньше: пропорционально производительности «социалистического труда», заключавшегося в освоении отпущенных данному сословию ресурсов. Ведь чем больше сословие осваивало ресурсов, тем больше ему их полагалось.

вследствие государственной важности решенных ими задач. Так появились сословия участников ликвидации чернобыльской катастрофы и ветеранов войн.

Внутри сословий существовала очень жесткая дифференциация сообразно важности задач, выполнявшихся сословием. Сословие рабочих, например, делилось на группы-подсословия в зависимости от места прописки, отрасли народного хозяйства, пола, возраста, уровня образования, происхождения. Рабочие «средмашевских» предприятий Москвы — совсем не то сословие, что рабочие совхоза в селе под Кызылом. Рабочим высших категорий в оборонной промышленности полагались совершенно иные уровни свободы передвижения и снабжения, нежели колхозникам, которые как сословие были лишены до 1960-х годов права на оплату труда деньгами и права на изменение места работы и жительства просто потому, что у его членов не было (и не могло быть — согласно порядку управления) необходимых для участия в вольном социалистическом строительстве документов: паспортов и трудовых книжек. Стать членом привилегированного сословия «рабочие оборонных отраслей народного хозяйства» мог далеко не каждый. Препятствием могла быть национальность бабушки или дедушки, пребывание родственников на оккупированной территории во время войны, судимость членов семьи или их дворянские корни.

Люди, причисленные к «ущербным сословиям», такие как судимые, сосланные, высланные, члены семей врагов народа и имевшие в документах запись о принадлежности к «репрессированным нациям», какое-то время не имели права на свободу передвижения и должны были до середины XX в. периодически отмечаться в спецкомендатурах. Заключение были одеты в униформы, различающиеся по степени тяжести якобы совершенных преступлений. Среди них также были особые сословия, из которых известны «социально близкие» (т. е. обычные уголовники) и «враги народа».

Часть сословий, важных для дела социалистического строительства, получила право на особые, строго нормируемые блага, такие как доступ к зарубежной информации или поездки за границу. Особое положение отдельных членов сословий, их заслуги, отмечались, кроме униформы, нагрудными знаками, шевронами и погонами, системой званий (почетный и заслуженный), а также разного рода премиями и грамотами. Лауреаты Ленинских и Государственных премий, Герои Советского Союза и Социалистического труда составляли суперэлиту советского сословного общества.

Документы, обязательные для гражданина Страны Советов, обозначали его положение в многомерном сословном пространстве. Паспорт, трудовая книжка, диплом или иной документ об образовании, военный билет или удостоверение военнослужащего, партийный, комсомольский, профсоюзный билеты, пенсионное удостоверение, рукописная автобиография и наградные документы в своей совокупности фиксировали социальное происхождение человека, его профессиональное — сословное положение и карьеру, уровень образования, отношение к военной службе и ограниченное количество других характеристик, создающих возможности или, наоборот, ограничивающих социальную мобильность.

Индивидуальный советский гражданин определялся уникальным сочетанием своих документированных (учетно-сословных) характеристик и, в зависимости

от ситуации, мог быть причислен к разным учетным сословиям. Некоторые сочетания характеристик были запрещенными, т. е. для работы в отдельных отраслях народного хозяйства не могли быть допущены, например, лица из «репрессированных наций» (с соответствующим «пятым пунктом» в паспорте), имеющие родственников за границей или находившиеся на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны.

Принадлежность к сословию означала, по крайней мере в начале процесса сословного строительства, прежде всего возможность доступа к ресурсам, которыми часто были элементарная еда да нары в бараке. Лишенный советской сословной определенности человек не имел легального права на доступ к ресурсам, и именно поэтому государственная машина в первую очередь распределяла членов социалистического общества по сословиям, пусть даже таким, как заключенные. В этом распределении состояла основная «забота ВКП(б)–КПСС о благе народа». Другая же забота заключалась в обеспечении ресурсами людей, распределенных по сословиям сообразно нормам социальной справедливости: сословия, наиболее важные для социалистического строительства, получали несравнимо больше ресурсов, чем относительно менее важные. Кому-то полагались мандарины, говяжья вырезка и импортный растворимый кофе, кому-то хлебная пайка, а кто-то должен был благодарить партию и правительство за возможность выживать, ведя личное подсобное хозяйство.

Большая часть населения, принадлежащая к низкоранговым сословиям, покупала необходимые для жизни товары в магазинах. Однако через «свободную торговлю» реализовывалась относительно небольшая часть ресурсов, и сеть торговых организаций использовалась, как правило, для «торговли» нормируемыми ресурсами, которые «отпускались» по карточкам, талонам, по очереди тем гражданам социалистического общества, которым иное было «не положено» [Осокина 1993; 1997].

Привилегированные сословия обслуживались отделами рабочего снабжения (ОРСами) с их распределителями – «кормушками», в которых происходила «отоварка», т. е. получение товаров народного потребления и продуктов питания – как ресурсов, полагающихся этому сословию. Пользование чужими (другого сословия) кормушками запрещалось, хотя советские люди считали делом чести «найти ход» и отовариться в распределителе для геологов, атомщиков или, если сильно повезло, в распределителе райкома, обкома или ЦК КПСС¹⁸. В ходе распределения населения по сословиям (социально-учетным группам) возникала стратификация по гарантированному государством уровню потребления, внешне схожая с классовым разделением на богатых и бедных. Члены высших сословий имели высокий, хотя и нормированный уровень гарантированного потребления, в то время как члены

¹⁸ В 1983 г. руководитель социологической экспедиции, академик и известный ученый, которой впервые разрешили эмпирически исследовать руководящую роль КПСС на уровне сельского административного района, была возмущена тем, что мелкий партийный начальник предложил оголодавшим младшим научным сотрудникам отовариться в распределителе райкома КПСС. По ее мнению, это стало бы нарушением принципов социальной справедливости. Рассказы бывалых людей, что они ели и, главное, сколько за еду платили в буфете ЦК КПСС, свидетельствуют о том, что сам факт посещения простым человеком «кормушки» воспринимался и переживался как приключение, как путешествие в иной социальный мир.

низших сословий не имели никаких гарантий потребления и зачастую просто бедствовали, перебиваясь с картошки и лука на квас, как это было с колхозниками со времен коллективизации и до середины 1950-х годов.

Сословная структура СССР в результате стремления к социальной справедливости в распределении ресурсов оказалась чрезвычайно сложно устроенной. В ней, кроме очевидных, были и специфические группы. Несомненными сословными признаками обладала сама КПСС, равно как и ВЛКСМ. Члены КПСС образовывали своего рода над- или сверхсословие. Членами КПСС становились наиболее достойные — с социально-учетной точки зрения — представители всех прочих сословий. Тем самым в структуре КПСС моделировалось все сословное устройство, за исключением депривированных групп. КПСС представляла собой действующую модель отношений между сословиями¹⁹. Быть принятыми в КПСС могли далеко не все граждане социалистического государства. Запреты и ограничения на прием в члены КПСС определялись внутривнутрипартийными инструкциями согласно требованиям политического момента.

Члены КПСС образовывали доминирующее сословие, в какой-то степени противопоставленное остальному «непартийному» населению (как передовой отряд строителей коммунизма), однако сформированное по принципу выборки из других сословий: квоты на вступление в КПСС распределялись примерно так же²⁰, как и другие блага, а требования к кандидатам в члены КПСС формировались сочетанием признаков правильности происхождения и учетных характеристик: пола, возраста, образования, национальности, мест жительства и работы.

Необходимым промежуточным этапом перед вступлением в члены КПСС было членство в ВЛКСМ. Так что сословие комсомольцев также было весьма значимым элементом сословной структуры, формировавшимся, в свою очередь, из пионеров. Процедуры сословной инициации, такие как прием в октябрята, пионеры, комсомольцы и члены КПСС, были весьма значимыми событиями личной жизни членов советского сословного мироустройства и символизировали их последовательное, по мере взросления, приближение к статусу полноценного строителя коммунистического общества.

Членство в КПСС, манифестируемое партийным билетом, обеспечивало преимущественный доступ к разного рода социальным благам, в том числе и такому, как стать начальником: без членства в КПСС практически невозможен был переход из нижележащих социально-учетных групп в вышележащие ни в отраслевом, ни в территориальном ракурсе. Партийный билет для члена КПСС значил больше, чем паспорт, и его утеря — при отягчающих обстоятельствах — приводила к потере сословного статуса и переводу бывшего члена КПСС в самые низшие сословия.

¹⁹ Именно в точном социально-учетном соответствии составов КПСС и населения страны состояло «единство партии и народа». Естественно, что ущербные сословия при таком подходе не принимались в расчет.

²⁰ С учетом идеальной модели советского общественного устройства, в котором не было места нефункциональным по отношению к светлому будущему социальным группам.

Исключение из КПСС было высшей мерой наказания для ее членов и символизировало их социальную смерть.

В рамках сословия членов КПСС отдельную группу — сверхсословие второго порядка — составляла партийная номенклатура, которая была квотной выборкой уже из членов партии. Номенклатура формировалась из членов КПСС по признакам пола, возраста, образования, профессии, национальности, происхождения, а также по территориальным и отраслевым признакам: все сословия имели свой кадровый резерв, т. е. списки членов КПСС, которые могли бы по своим учетным характеристикам претендовать на членство в номенклатуре.

Квотное представительство членов КПСС в номенклатуре обеспечивало — по мнению идеологов государства — согласование тактических и стратегических интересов советских сословий в ходе строительства социализма, т. е. в преодолении различий (сословных) между городом и деревней, между рабочими, крестьянами и служащими, между «сталинскими нациями», между физическим и умственным трудом. Решения, обкатанные на партсобраниях, пленумах, конференциях и съездах КПСС, должны были, по идее «руководящей роли партии», удовлетворять и направлять все сословия общества, так как в КПСС и ее номенклатуре были статистически представлены их основные интересы.

Еще одной формой интеграции членов советских сословий в сословное целое советского народа были профсоюзы. ВЦСПС (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов) и входящие в него отраслевые профсоюзы обеспечивали своих членов разного рода ресурсами (от продуктов питания и путевок в санатории и дома отдыха до оплаты лечения и организации профсоюзных касс взаимопомощи) согласно принятым на данный момент критериям социальной справедливости. Профсоюзные собрания были важным элементом сословной интеграции, и обсуждения на них нарушений моральных норм строителей коммунизма были важнейшими событиями в жизни трудовых коллективов.

Профсоюзы (наряду с отраслевыми ОРСаами) контролировали распределение огромного количества потребительских ресурсов (жилья, путевок в лечебные и оздоровительные учреждения, мест в детских учреждениях и проч.), и нечленство в профсоюзе фактически означало лишение доступа к остродефицитным социальным благам. Отечественными юмористами 1930-х годов зафиксирован лозунг сословного общества того времени: «Пиво — только членам профсоюза».

Репрессии как форма регулирования межсословных отношений

Ресурсное обеспечение сословий по критериям социальной справедливости превало феноменом, который с незапамятных времен называется мздоимством, или — по-современному — коррупцией²¹. Сословное устройство стремится к справедливости

²¹ Я считаю, что термин «коррупция» в принципе не применим для описания межсословных отношений. Коррупция характерна для классового общества и может быть определена как использование должностного положения официальным властным лицом для получения выгоды. В сословной системе члены высших сословий взимают сословную ренту с членов низших сословий, что только внешне схоже с коррупцией. Сословная рента является конституирующим отношением сословного устройства, а не злоупотреблением отдельных должностных лиц.

ности, распределяя ресурсы согласно априорно заданной значимости сословий. Однако на пути к справедливому распределению ресурсы претерпевают описанные выше трансформации, в ходе которых их существенная часть не доходит до тех, кому они предназначаются. Ресурсы используются нецелевым образом потому, в частности, что с них берется сословная рента, ведь каждый член сословного общества имеет то, что охраняет и распределяет. Или ресурсы расхищаются людьми, которым они «не полагаются», но им все равно хочется есть, как тем миллионам наших сограждан, которые пошли в лагеря согласно директивам 1932 и 1947 гг., известным в народе как указ «семь/восемь» (вышел седьмого августа) или «указы о колосках».

Борьба за правильное, целевое использование ресурсов составляет содержание внутренней жизни сословного устройства. Нецелевое использование ресурсов, и тем более их расхищение, осуждаются сословной моралью и преследуются согласно порядку управления — специфической для сословного устройства формы регулирования отношений по сбору, хранению и распределению ресурсов. За сотни лет сословной истории накоплен огромный опыт борьбы с нарушениями порядка использования ресурсов, в том числе и репрессивный. Этот опыт показывает, что даже сажание на кол в индивидуальном порядке не очень умеряет аппетиты расхитителей. Гораздо эффективнее оказался институт массовых репрессий, в полной мере примененный во времена строительства социализма в отдельно взятой стране и, естественно, в меньших масштабах используемый всеми правительствами страны в периоды «наведения порядка». При массовых репрессиях сажают на кол не отдельных представителей сословий, а все сословие целиком.

Именно репрессии всего состава сословий, приспособившихся использовать ресурсы нецелевым образом или оказавшихся не адекватными смене целей на конкретном этапе строительства нового общества, позволили осуществить коллективизацию и индустриализацию СССР. Такой способ регулирования межсословных отношений, сопряженный с использованием принудительного труда членов репрессированных групп, обеспечил высокие темпы модернизации народного хозяйства СССР. Членов «зажравшихся» (т. е. неумеренно активных в сборе сословной ренты) сословий «ставили к стенке» в полном составе, как это произошло с несколькими поколениями командного состава чекистов, или переводили в сословие заключенных, работавших на стройках народного хозяйства. Эту самую мобильную часть «трудовых ресурсов» обеспечивало народному хозяйству ГПУ—ОГПУ—НКВД—МВД, выполнявшее волю ВКП(б)—КПСС.

Обилие советских сословий позволяло локализовать репрессии на одном или нескольких из них для того, чтобы обеспечивать трудовыми ресурсами социалистическое строительство и в то же время разрушать систему нецелевого использования ресурсов, которую вырабатывали эти сословия. Без массовых репрессий расхищение ресурсов и их нецелевое использование превращаются в бедствие сословного общества и подрывают его основу — систему справедливого распределения.

Репрессивный способ регулирования межсословных отношений был специфичен для СССР 1920—1950-х годов. После смерти Сталина была утрачена политическая воля, необходимая для масштабного репрессивного регулирования меж-

сословных отношений, и сословная система закоснела. Послесталинские сословия так «приспособились» к нецелевому использованию ресурсов, к их расхищению и сбору нелегитимной сословной ренты, что вся система сословного распределения оказалась нефункциональной, что проявилось в феномене всеобщего и официально ничем не компенсируемого дефицита.

Выборочные репрессии 1960–1980-х годов против отдельных работников торговли, общественного питания, милиции и т. д., по-видимому, только способствовали выработке более изощренных способов нецелевого использования ресурсов, усугубляя проблемы их справедливого распределения. Сколько ни сажали нарушителей социалистической законности, дефицит не уменьшался. Нецелевое использование ресурсов, их расхищение и нелегитимный сбор сословной ренты в 1960–1980-е годы «брежневского застоя» превратились в обыденную практику. Скорее, наоборот, «посадки» стимулировали развитие теневой экономики и трансформацию ресурсов в товары, которые поступали на «черный рынок», где можно было купить все то, что было «дефицитом» в системе государственного распределения.

Распад системы советских межсословных отношений

Система советских межсословных отношений основывалась на базовом статусе члена КПСС, руководящей роли КПСС и ее номенклатуре как каркасе социального устройства, и репрессиях как механизме социального регулирования. Прекращение массовых репрессий, а потом и ликвидация конституционной «руководящей роли КПСС» привели, в частности, к крушению основ сословной системы и к всеобщей неопределенности статусов – прежде всего за счет деструкции сословного распределения ресурсов. Распад СССР был, в первую очередь, распадом системы межсословных отношений – общества, так как, еще раз подчеркну, в сословном государстве общество неотделимо от государства. Членство в КПСС потеряло свою социальную значимость, а номенклатура исчезла вместе с партийными институтами подбора и расстановки кадров.

Дефицит материальных ресурсов для распределения в сочетании с идеологической беспомощностью Советской власти привел к расхищению СССР бывшими союзными республиками, сопровождавшемуся крушением системы советской сословности. Советская идеология к этому времени была амортизирована настолько, что уже не могла использоваться для оправдания всеобщего дефицита, необходимого – как утверждала КПСС – ради достижения когда-то великих, но потерявших свою привлекательность целей. В поисках новой идеологии советские интеллигенты читали и перечитывали труды классиков марксизма-ленинизма и впитывали обрывки импортных концепций социального устройства, доходившие до них – в основном в самиздате – в виде переводов трудов экономистов, политологов, социологов и философов. Непереваренные импортные обществоведческие различия, принципиально не применимые к отечественному сословному устройству, стали в конечном счете теоретической и аксиологической основой перестройки.

Ослабление сословной организации, которое происходит, когда исчезают ресурсы для «распила» ресурсов, сопровождалось автоматическим формированием рынков и расслоением населения по уровню потребления, т. е. формированием классовой структуры. А классовая структура по отношению к сословной организации общества-государства выступает в роли раковой опухоли: она разрушает сословные институты и расслаивает членов сословия, разводит их по классам. В такие периоды проявляется до того скрытое сословным распределением социальное неравенство, выраженное прежде всего в разных возможностях доступа к ресурсам. Появление «черного рынка», на котором ресурсы конвертируются в свободно обращающиеся товары и деньги, стало вызовом сословной системе, так как нарушило предустановленную социальную гармонию и единство принципов действий членов сословий в «распиле» ресурсов и в сборе сословной ренты.

После распада СССР и создания Российской Федерации, после всеобщего уже кризиса дефицита рынок, рыночные отношения и демократия были восприняты российскими сословиями (в точном соответствии с принципами сословного мировоззрения) как новый источник ресурсов для «распила» (такой же, каким в последние десятилетия советской власти была нефть), который можно использовать для дальнейшего развития сословного государства-общества. Постперестроечные политики и реформаторы «строили» рынок в первую очередь как новую систему согласования интересов сословий. Более того, наиболее активные из них сами себя определили как сословие «молодых реформаторов» с закрытым членством и привилегиями при приватизации «общенародной собственности». Но при этом, наверное, вопреки их воле, происходило отделение общества от государства и отделение экономики от государства.

Новорожденное общество повело себя совсем не так, как предполагали либеральные реформаторы, а новоявленные предприниматели, приватизировав государственные ресурсы, начали вести себя согласно уже рыночной, а не ресурсной логике. Распределители, как и системы ведомственного и профсоюзного распределения ресурсов, исчезли, и все граждане страны вне зависимости от советской сословной принадлежности начали покупать товары народного потребления на тут же возникших рынках. Профессиональные союзы, ранее представлявшие сословные интересы, потеряли статус распределителей дефицита и, соответственно, роль консолидаторов сословности. Теневая экономика сначала полностью вытеснила сословное распределение ресурсов по социальной справедливости, потом начала трансформироваться в собственно экономику. В стране появились настоящие товары и почти настоящие деньги, условно конвертируемая валюта.

При распаде советской системы возникло огромное количество ранее «общенародных» и по сути бесхозных ресурсов. Освоение этих ресурсов, их расхищение и превращение в товары и деньги, сопряженное с превращением расхитителей в рыночных агентов, составили содержание социальных процессов конца XX в. Возникший на социальной пустоши рынок, основанный на приватизации ранее все-сословной — общенародной собственности, начал развиваться очень высокими темпами. Сопутствующее становлению рынков классовое расслоение быстро — по меркам исторического времени — вызвало противодействие со стороны остатков сословного советского устройства. Пенсионеры и бюджетники, государственные

служащие и военные, чекисты и милиционеры своими совокупными требованиями по «наведению порядка», «установлению социальной справедливости» и борьбе с расхитителями «общенародной собственности» (олигархами) сформировали предпосылки для ревитализации системы согласования их интересов, сословной системы по частично имперскому, а частично советскому образцам.

Классовому расслоению, прежде всего, препятствовало и препятствует тщательно культивируемое сословным устройством стремление к социальной справедливости, т. е. распределению ресурсов сообразно со статусом сословий. Межпоколенческую трансляцию этого стремления и его идеологию обеспечивает особая и весьма жизнеспособная социальная группа, специфичная для сословного общества, но сама не являющаяся сословием, — интеллигенция.

Интеллигенция всегда противостоит породившему ее сословному общественному устройству, обсуждая и осуждая — в стабильные времена — методы построения институтов справедливого сословного распределения, его принципы, результаты и пропорции, массовые репрессии при борьбе с расхитителями ресурсов и обделенность низших сословий. При перестройках (либерализациях и революциях), когда рыночные начала теснят сословные институты, интеллигенты, которые, собственно, и составляют осознающее себя сословное общество, сначала становятся влиятельными властными фигурами, а в дальнейшем, обнаружив сопротивление своим властным амбициям, пытаются вернуть жизнь в predetermined их интерпретацией истории русло и построить общество, в котором ресурсы распределяются справедливо. Это для них, прежде всего, означает, что ресурсами должны быть обеспечены образование, наука, культура, здравоохранение и проч., т. е. главные интеллигентские занятия, связанные, в основном, с институтами сословной социализации. Интеллигенция конструирует образы внешних и внутренних врагов (которые неправильно распоряжаются, владеют или претендуют на владение ресурсами), противодействующих установлению справедливости, и предпринимает мифологические усилия по борьбе с ними.

Интеллигенция при либерализациях становится социальной стратой, обеспечивающей преемственность идеологии сословного мироустройства и создающей условия для появления авторитарных лидеров, стремящихся к созданию сильного, жесткого и «справедливого» (но «прогрессивного») государства, где и у интеллигенции есть свое место. Можно сказать, что существует закон сохранения интеллигенции. В начальные условия этого закона входит существование сословного устройства, которому противостоит интеллигенция, но которое ее воспроизводит как необходимый свой элемент.

Литература

- Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971.
Бауман Э. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛО, 2005.
Бессонова О. Раздаточная экономика России. М.: Дашков и К°, 2007.

- Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006.
- Борисова Л.И. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. М.: Наука, 1972.
- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004.
- Кордонский С. 1987–1997: per aspera ad anus // Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007.
- Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд. М.: ОГИ, 2006.
- Кордонский С. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори, 2001.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь 1920–1930 годы. Новосибирск: Сова, 2007.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999 (см. <http://bmiroнов.spb.ru/book.php?mn=6&lm=1&lc=nn>).
- На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.) (<http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml>).
- Научный отчет о бедности / Фонд Хамовники (отчет не опубликован, предоставлен Д. Александровым).
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997.
- Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 годы. М.: Изд-во МГОУ, 1993.
- Пастухов В.Б. Темный век. Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории // Полис. 2007. № 3.
- Пахомов И.Б., Орлов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. М.: Наука, 1993.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. Т. XVI. № 3.
- Freeze G. The soslovian (estate) paradigm in Russian social history // American Historical Review. 1986.
- Tekkenberg W. Stability of Occupational Structures, social Mobility and Interest Formation: The USSR as Estates Society in Comparison with Class Societies // International Journal of Sociology. 1989. Vol. 19. № 2.
- Tekkenberg W. Social Structure of Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // International Journal of Sociology. 1981–1982. Vol. 11. № 4.